

В диссертационный совет Д.501.001.38
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационную работу Логинова Евгения Владимировича на тему «Прагматизм и аналитическая философия: основные этапы взаимодействия», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности – 09.00.03 –

История философии

Представленное на отзыв диссертационное исследование посвящено одной из самых интересных для историка англоязычной философии тем, а именно историческим и концептуальным взаимоотношениям американского прагматизма и аналитической философии. Глобальность заявленной темы во многом задает объем, так, текст диссертации насчитывает 303 (триста три) страницы, что сравнимо и во многом превышает объем некоторых современных докторских диссертаций. Несмотря на это, качество текста очень высоко, в частности, особенно полемических и подробных первых трех глав диссертации. Подробность библиографии и использование устных интервью с ведущими философами современности не оставляет сомнений в компетентности автора по освещаемым им вопросам. Можно отметить, что в данном случае перед нами тот тип диссертационного исследования, на которые можно не писать а просто составлять отзыв, что конечно отличается от жанра рецензии на монографию, которую, стоит надеяться, автор опубликует.

До того как перейти к критике положений, выносимых на защиту, хотелось бы отметить несколько несомненно удачных концептуальных историко-философских моментов, к которым автора привела избранная им методология исторической реконструкции (в широком смысле этого

понятия). Среди них определение «аналитической философии», являющееся, пожалуй, одной из самых сложных и запутанных в истории классификаций в данной области знания. Автор правильно указывает на всю расплывчатость и неоднозначность этого термина, указывая также на его общеупотребимость и самопонятность в духе того, что можно точно сказать, что ею не является. Так, можно явно отличить аналитического философа от умеренно или резко-континентального не только по стилю либо характеру текстов, но и по концептуальному аппарату, используемому в работе. Таким образом, автор диссертации переходит к некоторой разновидности неявного определения, позволяющего, с одной стороны, включать в это движение достаточно широкий круг философов, а с другой - достаточно ограниченный временными и концептуальными рамками, не включая туда, например, такие одиозные фигуры, как Прокопий Кесарийский или Псевдо-Дионисий Ареопагит. От себя хотелось бы добавить, что это неявное знание скорее напоминает знание-как, нежели знание-что, требуемое стандартными академическими конвенциями. Скорее всего, оно проявляется в практике чтения и обсуждения, что и демонстрирует автор диссертационного исследования, с чьей практикой использования термина нельзя не согласиться. Другой удачей является новое описание и выяснение оснований натуралистического поворота в определенной части американской аналитической философии. Несмотря на то, что натурализм как широкое философское мировоззрение анализируется в русскоязычной литературе достаточно давно, как представляется, не вызывающее возражений выяснение генезиса идей, пространственная и временная локализация с такой степенью детальности проведена впервые. Этот успех позволяет, на мой взгляд, отказаться от кавычек при терминологическом употреблении на русском языке натуралистической тенденции в аналитической философии.

Рассмотрим положения, выносимые на защиту:

1. История взаимодействия прагматизма и аналитической философии может быть разделена на четыре основных этапа: споры Ч. С. Пирса и первых британских аналитических философов о специальных логических вопросах и природе истины; полемика Б. Рассела и Дж. Э. Мура с У.

Джеймсом о прагматической концепции истины, а также влияние идей Джеймса на онтологические, эпистемологические и психологические взгляды Б. Рассела; синтез прагматизма и аналитической философии в творчестве К. И. Льюиса, У. В. О. Куайна, Н. Гудмена и М. Уайта; новое противопоставление прагматизма и аналитической философии в работах Р. Рорти и его последователей.

Первый тезис представляется с одной стороны излишне подробным, так, спор Рассела и Джеймса и влияние последнего на Рассела можно без особого труда объединить. С другой стороны, и это видно по тексту диссертации, автор некоторым образом редуцирует неопрагматизм до метафилософии Р. Рорти, что не представляется вполне обоснованным, учитывая современное влияние Р. Брэндома и наличие монографии о нем на русском языке.

2. Ч. С. Пирс знал некоторые детали логической теории Б. Рассела и полемизировал с ним; Пирс высказывал аргументы против теории истины как тождества (identity theory of truth), разработанной Дж. Э. Муром; терминология Пирса оказала заметное влияние на современную аналитическую философию; примером такого влияния можно считать распространение различия "type"/"token".

Здесь уместно было бы указать на то, что Дж.Э. Мур не является собственно автором теории истины как тождества, а во многом заимствует ее у своих преподавателей и, в частности, у такого выдающегося представителя идеалистической философии, как Ф. Брэдли. Поэтому критика муровской теории по сути является неявной критикой последнего.

3. Нейтральный монизм У. Джеймса, а также некоторые его психологические (например, критика понятия "сознание") и эпистемологические (различие на знание-знакомство и знание-описание) идеи были приняты Б. Расселом; критика Расселом и Муром прагматической концепции истины Джеймса оказала стимулирующее воздействие на развитие ранней аналитической философии.

То обстоятельство, что критика концепции истины Джеймса оказывается важной для самоописания позиции Рассела, еще не показывает историческую ее значимость для развития аналитической философии. С другой стороны, позицию Джеймса можно было бы отнести к принципиально сопротивляющимся формальному определению и свидетельством тому могло бы служить само многообразие его определений истины.

4. Т.н. “натуралистическая революция” в философии была совершена Куайном, Гудменом и Уайтом вследствие критики идей Р. Карнапа и К. И. Льюиса.

Здесь, представляется, было бы уместным локализовать понятие революции до школы, сообщества или круга дискуссий, как это и делается в самом тексте диссертации. Иначе тезис звучит как революция в философии вообще, что явно неверно.

5. Р. Рорти никогда не был аналитическим философом и с самого начала своей карьеры пытался “преодолеть” аналитическую философию средствами прагматизма.

С последним тезисом, несмотря на попытку его текстуального подтверждения, тоже вряд ли возможно согласиться. Отнесение кого-либо к определенному типу философов или школе, в случае отсутствия самоописания (что не так в ситуации Рорти), осуществляется средствами анализа концепций и идей мыслителя историком, что и происходит, если ознакомиться с четвертой главой диссертации. Однако, если отнесение к школе или направлению является достаточно простой операцией, то исключение вряд ли можно так просто обосновать. Тем более в качестве тезиса для защиты. Можно было бы сравнить такое утверждение с, например, утверждением, что М. Хайдеггер никогда не был феноменологом. Без дополнительной квалификации такой тезис оказывается ничего не говорящим.

В целом, несмотря на указанные обстоятельства, работа Логинова Е.В. представляет собой цельное исследование и производит самое благожелательное впечатление на читателя глубиной анализа, знакомством с новейшими и классическими работами по обширнейшей теме диссертационного исследования, демонстрирует высокую научную квалификацию автора и содержит в себе важные историко-философские результаты. Текст диссертации представляет собой важное и самостоятельное исследование, которое, в случае его публикации, без сомнения займет достойное место в отечественной историографии философии.

Диссертационная работа Е.В. Логинова представляет собой научно-квалификационную работу, соответствующую требованиям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. №842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Логинов Евгений Владимирович заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история философии.

Официальный оппонент, кандидат
философских наук, научный сотрудник
Сектора современной западной философии
Института философии РАН

Веретенников А.А.

20 апреля 2017 г.

Подпись Веретенникова А.А.
ЗАВЕРЯЮ:

Зав. отделом кадров Института
философии РАН